

УДК 94(430).087:314.742

Б.Г. Койбаев

**ПРОБЛЕМЫ МУСУЛЬМАН-ИММИГРАНТОВ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ ФРГ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В новейшей истории проблема мусульман-иммигрантов стала злободневной. В немецкоязычном дискурсе появился вопрос о взаимодействии иммигрантов и принимающего сообщества. В этом диало-

ге оказались задействованы и правовые институты.

Ключевые слова: иммиграция, исламский фактор, межкультурное взаимодействие, немецкое общество, законы ФРГ.

B.G. Koybaev

**THE PROBLEMS OF MUSLIM IMMIGRANTS IN THE LEGAL DISCOURSE IN GERMANY
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY**

In the contemporary history the problem of Muslim immigrants has become topical. In the German discourse there appeared a question concerning the interaction of immigrants and the society accepting them. Legal institutes got involved in that dialogue.

Key words: immigration, the Islamic factor, intercultural interaction, the German society, the laws of the Federal Republic of Germany.

Иммигранты из мусульманских стран стали наиболее многочисленной и контрастной в культурном плане группой иностранцев в ФРГ. К началу XXI века на территории страны проживало от 3 до 3,5 млн. мусульман, что составило 4 % населения [3]. Более трети из них выходцы из Турецкой Республики и их потомки, родившиеся в Германии. По состоянию на декабрь 1990 г. их число уже равнялось 2 053 564 человек [15, s. 45].

Выходцы их ближневосточных стран и Магриба являлись на протяжении всего рассматриваемого периода предметом активного правового дискурса. Прибывая в новую для них страну, иностранцы-мусульмане сталкивались с новой инокультурной общностью. Чуждость некоторых культурных норм и понятий приезжих мусульман и немцев проявлялась в различии нравственных норм, норм бытового поведения, отношению к религии и светскости. В некоторых случаях, эта культурная инаковость могла выплескиваться в форме конфликта между определенными группами иммигрантов и государством, как правовым институтом. Примерами тому могут служить такие вопросы как ношение му-

сульманского головного убора в светском учреждении, выступления защитников животных против традиционного для приверженцев ислама метода забоя скота и т. д.

В Основном законе ФРГ, принятом более 50 лет назад, записано, что каждый человек может иметь свои религиозные убеждения, а беспрепятственное исповедание религии гарантируется. Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение по признакам вероисповедания и религиозных взглядов. Свобода религии ограничивается лишь в тех случаях, если та или иная религия или экстремистские группы создают угрозу для других свобод, гарантированных Основным законом [1].

С первых лет рабочей иммиграции мусульманам оказывалось содействие в беспрепятственном соблюдении ритуалов. Так, на многих предприятиях выделялись места для совершения пятикратной молитвы. В меню рабочих столовых включались блюда без содержания свинины. А, например, компания «FordAG» обеспечивала ночную работу столовых для своих рабочих во время поста в месяц Рамадан [19]. Много внимания религиозной практике иноверцев

оказывали и христианские церковные служители. Так, 3 февраля 1965 года бывший в то время кёльнским епископом кардинал Фрингс предоставил в их распоряжение Кёльнский собор для того, чтобы они «могли достойно отпраздновать наступление своего месяца поста – рамадан» [18, s. 59].

С увеличением числа жителей исламского вероисповедания в городах стали все более заметны признаки их присутствия: женщины в платках, моельные дома и новые мечети. В местах проживания восточных иммигрантов предприниматели из их среды быстро осваивали пустующие ниши в инфраструктуре торговли и питания.

Росло также число детей, родившихся на исторической родине или в самой Германии. Юное поколение получило возможность учиться в школе. Однако именно со школьным обучением были связаны одни из первых конфликтов иммигрантов-мусульман со светскостью, принятой в германском обществе.

В начале 70-х годов возмущение традиционно настроенных мусульман вызвало введение в школах нового предмета – полового воспитания. Обязательные для посещения занятия школьники, школьницы и их родители рассматривали как посягательство на моральные ценности и религию. Акции протеста на улицах, сопровождавшиеся молитвами и проповедями, получили освещение в прессе тех лет [4, s. 20]. В 1977 г. Федеральный конституционный суд рассмотрел обращение мусульман и вынес по нему отрицательное решение [10, s. 67]. Однако обращения набожных родителей, пекущихся о нравственном воспитании своих чад, продолжали поступать в судебные инстанции. Одно из последних принадлежало матери-турчанке из Гамбурга. В административном суде она аргументировала свое заявление тем, что обе ее дочери не нуждаются в просветительных занятиях, так как в исламе половая жизнь имеет место только в браке. Суд отклонил заявление в январе 2004 г. на том основании, что данная тема настолько существенна и актуальна, что выходит за рамки семейного уровня.

Таким образом, если до середины 70-х гг. XX в. активисты иммигрантов выступали за единые права с коренным населением лишь в сфере трудовых отношений, то теперь уже речь шла и о выделении особых прав в образовании. Появилась выраженная тенденция перехода от требований унификации прав (иммигрантов и немцев) к наделению мусульманских меньшинств правами особого характера, что обусловлено было морально-ценностными установками верующих. Побочным эффектом от проведения в жизнь особых прав для мусульман-иммигрантов явилось то, что они подчеркивали инаковость этих людей и тем самым наносили вред их интеграции в немецкое общество.

Кульминацией дискурса о сочетании религиозного и светского в повседневной жизни иммигрантов из мусульманских стран стала дискуссия о ношении платка, получившая обозначение «Kopftuchstreit». «Спор о платке» основывался на вопросе правовой допустимости ношения головного убора (прежде всего платка) в качестве символа особой приверженности исламу в специальных областях общественной деятельности, в особенности на государственной службе и в государственных образовательных учреждениях. При этом речь шла о конфликте между свободой вероисповедания граждан – с одной стороны и религиозного нейтралитета государства – с другой стороны.

Платок, как атрибут одежды мусульманки, был в употреблении на территории ФРГ с самого начала иммиграции из восточных стран. На протяжении второй половины XX в. в сознании немецкого обывателя эта часть одежды вместе с паранджой ассоциировалась с отсталостью, невежеством, доминированием мужчины и отсутствием желания интегрироваться в общество.

Однако повод для широкомасштабных дебатов появился на рубеже столетий. Учительница-мусульманка, афганка по происхождению, Фереста Лудин в 1999 г. попыталась устроиться на испытательный срок на должность штатного учителя в федеральной

земле Баден-Вюртемберг. Ведомство по средней школе в Штутгарте отклонило ее заявление о приеме на работу ввиду того, что г-жа Лудин не была готова отказаться от ношения платка во время занятий. В отказе подчеркивалось, что связанное с головным платком «объективное» влияние культурной дезинтеграции не согласуется с государственным нейтралитетом в вопросах веры [6]. Жалобы г-жи Лудин против отказа в зачислении на работу были последовательно отклонены Баден-Вюртембергским административным судом и Федеральным административным судом ФРГ.

Суд следующей инстанции – Федеральный конституционный суд – 24-го сентября 2003 г. отменил решение Федерального административного суда и отослал дело на повторное рассмотрение. Согласно вердикту, противодействующие решения административных судов и компетентных органов земли Баден-Вюртемберг ущемляют учительницу в ее основных (конституционных) правах. И далее: «Ношение головного платка разъясняет в обсуждаемом контексте принадлежность жалобщицы к исламской религиозной общине и ее личную идентификацию в качестве мусульманки. Квалификация подобного поведения как недостаток профессиональной пригодности для должности учительницы начальной и неполной средней школы вступает в противоречие с правом жалобщицы на равный доступ к занятию государственных должностей согласно статье 33 (абзацы 2 и 3) ОЗ в сочетании с гарантированным ей согласно статье 4 (абзацы 1 и 2) ОЗ правом свободного вероисповедания. При этом в настоящее время не представляется необходимого, достаточно точного правового основания для рассмотрения вопроса. Поэтому жалобнице было отказано в доступе к государственной должности по неконституционным судебным решениям» [12].

Итак, изменения в религиозной сфере, которым подверглось общество за миграционный период, требовали нового законодательного регулирования – прежние конституционные и законодательные нормы

входили в противоречие и были явно недостаточны. Этот gordiev узел не мог иметь административное решение, иначе говоря, создание и введение подобной регламентации не входило в компетенцию учебных ведомств. Сгенерировать необходимые правовые нормы в данной ситуации имели право земельные парламенты.

В апреле 2004 г. в §38 Закона о школе (Schulgesetz) земли Баден-Вюртемберг было сделано следующее добавление: «Преподавательскому составу общественных школ согласно §2, абзацу 1 не разрешается внешняя демонстрация политических, религиозных, мировоззренческих или аналогичных им убеждений, которая может создавать угрозу или вредить государственному нейтралитету отношении учеников и родителей, либо политическому, религиозному или мировоззренческому согласию в школе. В особенности недопустимо внешнее поведение, которое может вызвать у школьников или родителей впечатление того, что педагог выступает против человеческого достоинства и равноправия, согласно статье 3 Основного закона, а также против основных прав свободы или свободно-демократического устройства общества. [...] Требование религиозного нейтралитета в предложении 1 не действует на уроках религии, согласно статье 18 предложению 1 конституции земли Баден-Вюртемберг» [2].

На этом дискуссия вокруг мусульманского платка не закончилась. В 2006 г. учительница-мусульманка из Штутгарта выиграла в суде первой инстанции дело о запрете на ношение платка. Жалобщица требовала отменить решение школьного ведомства об ее отстранении от работы. В частности, объяснялось, что положение второго абзаца §38 школьного закона земли Баден-Вюртемберг нарушает ее конституционное право на равенство перед законом вне зависимости от вероисповедания. Как пример положительного отношения властей к религиозной символике – монахини, носящие особое одеяние и преподающие в школах Шварцвальда. Суд принял к рассмотрению жалобу верующей и вынес

решение в ее пользу [7]. Однако высший земельный административный суд, изучив апелляцию проигравшей стороны, отменил решение суда нижней инстанции. При этом подчеркивалась правомерность наложенного запрета и важность права на соблюдение религиозного нейтралитета в отношении учащихся и их родителей. Решение стало окончательным и не подлежащим обжалованию [8].

Кроме земли Баден-Вюртемберг, впоследствии запрет на ношение платка для учителей распространился и в Баварии [9]. Здесь предметом обсуждения стала статья 59 (абзац 2, пункт 3) баварского Закона о воспитании и преподавании, где были правовые основания для запрещения платков. Определяющую роль в споре сыграло решение Конституционного суда федеральной земли. Исламская религиозная община подала иск в Конституционный суд Баварии, направленный против статьи 59 (абзац 2, пункт 3) Закона о воспитании и преподавании. Представители общины обосновали свой иск тем, что закон вступает в противоречие с гарантированным в статье 107 Баварской конституции правом свободы вероисповедания [17], тем самым нарушает права учителей-мусульманок. Кроме данного конституционного противоречия, активисты ислама сослались на статью 118 (абзац 2), конституции Баварии, которая гарантирует равное отношение к гражданам вне зависимости от их религиозных убеждений [17]. Ссылаясь на это положение, податели иска указали на беспрепятственное преподавание католических монахинь в одеянии своего ордена и истолковали это как преимущество, данное представителям христианской конфессии перед магометанами.

Баварский конституционный суд, однако, отклонил иск ввиду его безосновательности. Суд обосновал свое действие тем, что свобода вероисповедания для учителей-мусульманок подлежит ущемлению, так как вступает в противоречие с основными правами родителей и школьников. При принятии решения суд исходил из того, что в основные права граждан имеют в данном

случае решающее преимущество. Что же касается привилегий христианских конфессий перед законом, то суд отклонил иск и по этому вопросу, мотивируя свое решение тем, что учителя-мусульманки, в отличие от преподавателей-монахинь, не являются проводниками западных христианских культурных и правовых ценностей, зафиксированных в Баварской конституции. Таким образом, и в этой федеральной земле закон, запрещающий мусульманский платок, выстоял в противоборстве с мусульманами и мультикультурно настроенной частью общества.

В федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия учителя, студентки педагогических направлений и социальные работники объединились в «Инициативу за самоопределение в вере и обществе». Целью организации стало противодействие новому закону. Ее характеризует активное участие в публичных прениях по данной проблеме, а также распространение в обществе либерального отношения к религиозным символам в школе. Идеино-политический принцип «Инициативы» заключается в том, чтобы не запрещением инаковости мусульман, а наоборот лояльностью к ней способствовать их интеграции. То есть, организация является проводником идей мультикультурализма, под которым понимает свободу национально-религиозного самовыражения, в том числе отрицание секуляризма в обществе [5].

В Берлине также был проведен законодательный запрет на головные платки для преподавательского состава образовательных учреждений. Берлинские законодатели, подобно своим коллегам из других земель, ввели тотальный запрет на религиозную символику на общественной службе. Кроме исламских религиозных деятелей, свой протест заявили также представители Католической и Протестантской церкви Германии.

Один из строжайших немецких законов в лаицистском духе был сформулирован окончательно в земле Гессен в 2004 г., хотя и не смог избежать испытания на прочность. Судебную проверку на совместимость с конституцией закон выдержал достойно.

Его правовые предписания запрещают ношение элементов одежды, которые создают потенциальную угрозу политическому согласию и миру в обществе. При этом запрещающие нормы распространились не только на преподавателей и профессуру, но и на всех без исключения государственных чиновников и служащих.

В результате проводимой государством политики ограничения, а также противостояния с активным мусульманским меньшинством вне рамок запрета на ношение платка остались следующие категории: персонал частных школ, в регионах, где нет государственной монополии на образование, служащие негосударственных сфер и стажеры в области образования.

Помимо «спора о платке», который вызвал оживленное обсуждение, постоянным источником дискуссий на местном уровне стала во второй половине XX столетия постройка мечетей. Мусульманский храм был своеобразным маркером, который как бы сообщал немцам, живущим в округе, что иммигранты осели здесь навсегда, и что перемены, происходящие в германском обществе, уже необратимы. Дискуссии шли в большей степени не на государственно-политическом, а на местном общественном уровне. Спектр дискутируемых вопросов варьировался от целесообразности постройки молельного здания в городском ландшафте того или иного района до протестов недовольных инокультурным соседством граждан. Что касается государственного регулирования нового в ФРГ архитектурного явления, то административные правила и судебные решения обеспечивали легальность проведения работ по сооружению объекта нетрадиционного типа.

Минареты мечетей оснащались громкоговорителями, из которых вещал непривычный для немцев «азан» – призыв мусульман на молитву. И это явление не обошлось без споров. Например, в земле Райнланд-Пфальц жалобы недовольных соседей отклонялись на простом и, в то же время веском основании: прихожане мечетей являются гражданами ФРГ и составля-

ют большинство в округе. К тому же, нормы строительного права федеральной земли не обеспечивали защиту окружающей среды от громкого призыва на молитву [14].

Однако большой резонанс в Германии получила инициатива пастора Евангелической церкви в Дуйсбурге, который в 1996 г. начал вести компанию, направленную против азана. Этому предшествовало желание различных мусульманских общин сделать призыв на молитву более громким, с тем, чтобы увеличить зону его восприятия. Последовала спорная дискуссия, которая привела к разрешению азана во многих городах страны. Вместе с тем возникли различные вариации этого разрешения. В ряде случаев призыв на совместную пятничную молитву исполняют муэдзин – специальный служитель мечети – как, например, во всех мечетях Дортмунда. А в городе Дилленбург община мечети смогла договориться с властями о том, что за исключением утреннего и ночного намаза, трижды в день азан будет звучать с помощью громкоговорителя. При этом была регламентирована громкость звучания – не более 70 децибел. Дабы смягчить конфликтную ситуацию, некоторые приходы мечетей отказались от требования использовать громкоговоритель [16, s. 105].

Противники азана ссылались в прениях на то, что в отличие от колокольного звона, в законодательстве не прописаны нормы по мусульманскому призыву на молитву. Но вопрос о правовой допустимости был решен в пользу мечетей, так как касался темы свободного вероисповедания. В 2000 г. эту позицию подтвердила Мари-Луиза Бек – уполномоченная федерального правительства по делам иностранцев. В евангелистско-лютеранском журнале «Диалог» была опубликована ее статья, где говорилось о том, что конституционное право отправления религиозных обрядов «бесспорно и непоколебимо» в том числе и для открытого призыва на молитву [16, s. 108].

Неоднозначность, непоследовательность германской законодательной политики в отношении мусульманских меньшинств также проявлялась в поощрении их особых

религиозных требований. Так, в городе Хамм (в Северном Рейне – Вестфалии) земельный суд по трудовым делам разрешил работникам-мусульманам делать в рабочее время перерыв на молитву [11]. А одна из ведущих религиозных организаций – Исламский совет – официально утвердил послеобеденный намаз на рабочем месте как обязательный долг для мусульманина [16, s. 112–113]. Данный вектор требований мог ограничиваться зачастую характером производимой работы или же отсутствием подходящего места, где практикующий молитву мусульманин мог бы помолиться.

Важное место занял в рассматриваемый период дискурс об убое животных по мусульманскому ритуалу – так называемом теплом зарезе, без предварительного оглушения животного. Нормы закона о защите животных запрещали убой скота по иудейскому обычаю, то есть без оглушения животного электричеством, ударом или каким-либо иным способом. Исключения предусматривались лишь в особых экстренных случаях. Исламские организации поставили своей целью легализацию убоя скотины по мусульманскому обычаю – ибо только мясо животного, зарезанного по правилам, входит в категорию «халяль», то есть дозволенного. В 1988 г. Исламский рабочий круг (ИРОГ), представлявший объединение различных организаций и мечетских общин, выдвинул соответствующую инициативу. В 1989 г. Круг направил соответствующее заявление компетентному министерству земли Северный Рейн – Вестфалия. Диалог с правительством безуспешно велся в течение 1989–1990 гг. Требование Рабочего круга в итоге отклонили, ссылаясь на фетву (исламско-правовое заключение) Каирского исламского университета Аль-Азхар, по которой допускался зарез предварительно оглушенного животного [16].

В 1992 г. Комитет по рассмотрению жалоб Немецкого Бундестага занялся рассмотрением запроса от Исламского рабочего круга. Однако аргументы верующих не были признаны настолько весомыми, чтобы противодействовать позиции защитников жи-

вотных, которые своевременно обратились в данный комитет германского парламента [16]. Тяжбы отдельных граждан с властями имели место в конце 1980-х – начале 1990-х гг., но всегда проигрывались мусульманами на основании отсутствия официального государственного статуса ислама в ФРГ. Барьер в виде отсутствия статуса признанной конфессии удалось преодолеть мусульманам земли Гессен. В предыстории тяжбы государственное ведомство по контролю качества пищевых продуктов, защите животных и ветеринарному обслуживанию округа Оффенбах отклонило требование члена Исламской религиозной общины Гессена о зарезе животных во время «праздника жертвоприношения» – Курбан-байрам. В 1999 г. по решению третьей палаты административного суда г. Дармштадт ИРОГ была признана религиозной общиной, и теплый убой скота по исламской традиции был разрешен. Однако мусульмане должны были при предварительно уведомлять власти заявлением о предоставлении такого права в порядке исключения. Решение суда в данном случае опиралось на преимущество права свободного вероисповедания (Статья 4 Основного закона ФРГ) перед законодательными нормами по защите животных [1]. Однако дело, перенаправленное по апелляции уже в Федеральный административный суд, было рассмотрено иначе. Суд отказал ИРОГ в признании в качестве официальной религиозной общины и отослал дело на повторное рассмотрение, результат которого был уже предreshен [13].

Тем не менее, активная позиция мусульманских объединений и взаимодействие с различными инстанциями все-таки принесли успех в решении этого вопроса. В январе 2002 г. Федеральный конституционный суд постановил, что в порядке исключения мусульманам разрешена практика теплого зареза животных по религиозным мотивам.

Решение Конституционного суда сыграло очень важную роль в определении религиозной общины. Новая дефиниция понятия заключалась в том, что для предоставления исключительного права на соответствующую

ший убой животных вполне достаточно того, что податель заявления принадлежит к группе, связанной общими религиозными убеждениями. В качестве религиозных общин в данном случае могли рассматриваться группы верующих, вне зависимости от направления ислама, к которому они себя относят [13].

Решение Конституционного суда вызвало негодование и многочисленные протесты со стороны организаций по защите животных. Что же касается либерально настроенной в отношении иммигрантов-мусульман части общества, исламских активистов и других заинтересованных лиц, то с их стороны последовала критика в адрес ведомств и административных судов, которые не смогли разглядеть возможность или даже необходимость предоставления иммигрантам-мусульманам права обусловленного религией метода убоя животных в порядке исключения. Критика касалась также ущемления в конституционном праве исповедующих ислам жителей ФРГ. В целом же, отдельные исламские организации приветствовали долгожданное решение как важный шаг для интеграции мусульманского меньшинства в немецкое общество [16, s. 114]. Факт того, что религиозное предписание стало иметь под собой законную регламентацию, в определенной степени способствовал идентифи-

кации иммигрантов и их потомков с Германским государством.

В целом из рассмотренной нами административной и судебной практики ФРГ в решении конфликтных вопросов, а также, обращая внимание на религиозные требования немецких мусульман, можно заключить, следующее. Вплоть до начала нынешнего столетия государственные институты не были готовы адекватно воспринять относительно новое для них явление – мусульманскую иммиграцию. Верующие мусульмане – гастарбайтеры, члены их семей, беженцы и те, кто получил немецкое гражданство, проживают в Западной Германии с начала 1960-х гг. Несмотря на это, за истекший период до конца века не было сформулировано четких решений, регламентирующих нормы ислама относительно законов ФРГ. Кроме того, по противоречивым решениям судебных инстанций мы можем судить о том, что отсутствовала какая-либо определенная концепция в решении спорных вопросов. Государство не проявляло законодательный интерес к нуждам мусульманского меньшинства. Лишь со временем, осознавая неизбежность включения иммигрантов-мусульман в общество, были приняты соответствующие изменения в законодательстве, которые позволили легитимировать статус давно укоренившихся в Германии последователей ислама.

Литература

1. Artikel 4. [Glaubens- und Gewissensfreiheit] // Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Textausgabe Stand: März 2009. – Berlin, 2009.
2. Artikel 18. Verfassung des Landes Baden-Württemberg (LV). – Vom. 11. – November 1953 // Landesrecht BW Bürgerservice. [Электронный ресурс] URL: <http://www.landesrecht-bw.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+BW&psml=bsbawueprod.psml&max=true&aiz=true#jlir-VerfBWpArt18> (Дата обращения: 23.08.2009).
3. Islam und muslimisches Leben in Deutschland // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge – Integrationsportal. [Электронный ресурс] URL: http://www.integration-in-deutschland.de/cln_092/nn_281574/sid_0B6270B350A6B799F53C796720B75021/SubSites/Integration/DE/02__Zuwanderer/ThemenUndPerspektiven/Islam/Deutschland/deutschland-inhalt.html?__nnn=true (Дата обращения: 5.05.2009).
4. Islam gegen die Schule // Frankfurter Rundschau. – 22.03.1976.
5. Initiative für Selbstbestimmung in Glaube und Gesellschaft. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isgg.de/> (Дата обращения: 14.08.2009).
6. In dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde. 1 BvR 902/03 // Seiten des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rk20030924_1bvr090203.html (Дата обращения 19.08. 2009).

7. Kopftuchverbot; Verstoß gegen Gleichheitsgrundsatz; unzulässige Privilegierung anderer Glaubenssymbole. VG Stuttgart Urteil vom 7.7.2006, 18 K 3562/05. // Landesrechtsprechung Baden-Württemberg. [Электронный ресурс] URL: http://lrw.juris.de/cgi-bin/laender_rechtsprechung/document.py?Gericht=bw&Art=en&Datum=2006-7-7&nr=6769&pos=1&anz=5 (Дата обращения: 23.08.2009).
8. Kopftuchverbot für Lehrerin. VGH Baden-Württemberg Urteil vom 14.3.2008. 4 S 516/07 // Verwaltungsgerichtshof Baden-Württemberg. [Электронный ресурс] URL: http://lrw.juris.de/cgi-bin/laender_rechtsprechung/document.py?Gericht=bw&GerichtAuswahl=VGH+Baden-W%FCrttemberg&Art=en&Datum=2008-3&nr=10214&pos=6&anz=17 (Дата обращения: 23.08.2009).
9. Kopftuch-Verbot in Bayern bleibt bestehen // Süddeutsche Zeitung. – 15.01.2007.
10. Lachmann G. Tödliche Toleranz. Die Muslime und unsere offene Gesellschaft. – München, 2005.
11. Lachmann G. Wie Richter falsches Gutmenschentum fördern // Welt Online. Politik. [Электронный ресурс] URL: http://www.welt.de/politik/article773219/Wie_Richter_falsches_Gutmenschentum_foerdern.html. (Дата обращения: 14.08.2009).
12. Leitsätze zum Urteil des Zweiten Senats vom 24. September 2003 2 BvR 1436/02 // Seiten des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20030924_2bvr143602.html. (Дата обращения: 19.08.2009).
13. Leitsätze zum Urteil des Ersten Senats vom 15. Januar 2002. 1 BvR 1783/99. // Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20020115_1bvr178399.html (Дата обращения: 15.06.2009).
14. Oberverwaltungsgericht Rheinland-Pfalz. Beschluss vom 20.11.2000. 8 A 11739/00 // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht. – 2001. – Heft 8. 933 – 998.
15. Spuler-Stegemann U. Muslime in Deutschland. Organisationen und Gruppierungen // Der Bürger im Stadt. Islam in Deutschland. – № 51. – Heft 4/2001. – Berlin, 2001.
16. Şen F., Aydın H. Islam in Deutschland. – München, 2002.
17. Verfassung des Freistaates Bayern // Bayerisches Staatsregierung. [Электронный ресурс] URL: http://www.verwaltung.bayern.de/Gesamtliste.115.htm?purl=http%3A%2F%2Fby.juris.de%2Fby%2Fgesamt%2FVerf_BY_1998.htm#Verf_BY_1998_rahmen (Дата обращения: 15.08.2009).
18. Zur Geschichte der Arbeitsmigration aus der Türkei. Materialsammlung. – Köln.
19. 40 Jahre türkische Mitarbeiter bei Ford in Köln // News aktuell. Presseportal. [Электронный ресурс] URL: <http://www.presseportal.de/meldung/292496/> (Дата обращения: 21.08.2009).